

УДК 316:005.52

DOI 10.25688/2078-9238.2019.29.1.02

В.М. Мапельман

Проектирование общества на ближайшее и отдаленное будущее

В статье анализируются результаты тринадцатилетнего внедрения рекомендаций научно-прогностического проекта ЮНЕСКО «К обществам знания»; дается оценка итогам реализации ряда новых технологий в реформировании образования и системы функционирования науки, степени новизны предлагаемых методик. В материале фиксируются признаки утопичности предложенного проекта в связи с неполнотой реализации функций, характерных для социального прогноза.

Ключевые слова: информация; научное знание; развитие; обучение; образование.

Состояние социального прогнозирования в наши дни оценить однозначно довольно сложно. Большинство прогностических сценариев представляют собой описание желательных обновлений в виде противоположно направленных версий развития цивилизации. Одни описывают варианты достижения полного социального благополучия, где сложности вызваны нерешенными техническими вопросами, а нежелательные последствия квалифицируются в качестве досадных случайностей. В них с энтузиазмом сообщается о том, что *«сегодня в мире уже реализуются такие проекты будущего, как “электронное правительство”, “цифровые города”, “умные здания” и “подключенный дом”, основанные на единой конвергентной сетевой инфраструктуре»* (курсив наш. — В. М.) [1: с. 12], или что «каждое социальное явление трактуется как совокупность “сообщений”, способных транслироваться, накапливаться, виртуализироваться... В сетевом обществе все становится “сообщением” или потоком “сообщений”: наполнение личной жизни, политические события, явления культуры и т. д.» [4: с. 70]. Другие обосновывают неизбежную гуманитарную катастрофу, где возможные перспективные тенденции интерпретируются как побочные явления. «Цифровое общество — это глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий...» [5: URL]. При этом значительному числу понятий, привлекаемых для описания прогностических проектов, придаются еще и оценочные оттенки. «Прогресс», «инновация», «нанотехнологии», «увеличение», «ускорение», «обновление», «расширение», «рост» используются в качестве позитивных терминов, а «регресс», «консерватизм», «снижение», «сокращение»,

«замедление», «торможение», «традиционность», «исчезновение», «спад» — в качестве негативных.

В прогнозировании, которое является необходимым элементом существования и развития науки в целом, и прежде всего в социальном прогнозировании, в последние десятилетия можно наблюдать ряд болезненных тенденций, которые не могут не сказаться не только на содержании самих теоретических построений подобного рода, но и на практических результатах внедрения предписываемых ими рекомендаций. К ним относятся:

во-первых, плутократическая ангажированность, стремление обеспечить теоретическим «обоснованием» то или иное направление экономического прагматизма;

во-вторых, попытки представить реализацию интересов определенных социальных групп в качестве объективного закономерного (неизбежного) процесса, а связанные с ними экономические отношения (прежде всего финансовые) — в качестве ведущих (основных, предпочтительных) в системе социальных взаимодействий;

в-третьих, перенасыщенность аргументационной базы статистическими и иными количественными и формальными показателями, осуществляемая нередко в ущерб логической строгости и вопреки качественной и содержательной определенности;

в-четвертых, наделяние стремительно обновляющихся информационных технологий статусом основного (бесконкурентного, исключительно эффективного) средства для всех видов социальных коммуникаций и взаимоотношений;

в-пятых, вольное обращение с научной терминологией, фактами истории науки, образования и культуры;

в-шестых, готовность предложить социальное и прежде всего этическое «оправдание» результатам внедрения предлагаемых проектов.

Одним из примеров сказанного являются некоторые итоги энергичного внедрения рекомендаций первого Всемирного доклада, подготовленного ЮНЕСКО и обнародованного еще в 2005 г., посвященного «обществам знания» [3]. Авторы этого документа, косвенно признав очевидные неудачи в ходе настойчивого практического распространения идей глобализации и информационного общества, предложили для них новую интеллектуальную подпорку, обладающую повышенной привлекательностью как в научном, так и в общественном мнении. «Каждое общество располагает собственными преимуществами в сфере знания. Поэтому надо стремиться обеспечить соединение знаний, которыми уже обладают те или иные общества, с новыми формами создания, приобретения и распространения знаний, которые используются в рамках модели экономики знания» [3: с. 19]. Сегодня этот посыл воплотился в активном составлении, а главное, срочном внедрении программ, планов реализации, платформ «цифрового общества», «цифровой экономики», «цифрового образования» и т. п. Основными аргументами данной позиции выступают ссылки на объективность современных глобальных процессов и привлекательность прописываемых результатов. При этом на второй план

отходит тот факт, что значительное число глобальных явлений едва ли можно считать объективными, ибо все они есть результат и (или) последствия рукотворной деятельности человечества.

Именно знания объявляются «источником развития для всех стран, и в первую очередь, для наименее развитых» [3: с. 29], ибо для них «особенно притягательным оказалось обещание “технологического прыжка”... через несколько этапов промышленного развития, внедрив разом наиболее передовые технологии...» [3: с. 21]. И хотя подобная надежда уже формулировалась ранее в теоретическом знании, удачные результаты своего практического воплощения она в истории общества достигала чрезвычайно редко.

В целом для взглядов сторонников сетевого общества характерен ряд особенностей.

Под знаниями понимаются исключительно достоверные сведения, научно безупречные, бесспорные и исчерпывающие. Все варианты ненаучного знания (в том числе и обыденного), заблуждения, ошибки, версии, преднамеренные интеллектуальные конструкции, ложь и вымыслы вообще не учитываются.

Знание не просто отождествляется с научным знанием, но и ужимается, судя по примерам и ссылкам, до диапазона в меньшей степени естественного, но прежде всего технического знания, затрагивая в социогуманитарном блоке в основном знание экономическое.

Знание представлено как ведущая ценность в жизни человека и общества, как гарант благополучия, стабильности и устойчивости существования социума в грядущем без каких-либо обоснований и сравнений с другими составляющими жизнедеятельности и культуры.

Описание «общества знаний» осуществляется в основном путем обоснования его неизбежных достоинств. Такой подход можно было наблюдать и ранее, например, в связи с описанием «информационного общества», которое теперь перекаленифицировано из цели в средство достижения «общества знания».

Переход к последнему представлен в основном в количественно-формализованном ключе. Перечисляются технологические преобразования, новые средства передачи и обработки данных, демонстрируется увеличение объемов, ускорение процессов, повышение эффективности, что никак не объясняет принципиального содержательного различия не только между знанием и информацией, но и между «информационным обществом» и «обществом знаний». Ведь едва ли можно считать определениями сентенции следующего порядка: «Понятие информационного общества основывается на достижениях технологии. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры» [3: с. 19]. При этом сторонники проекта явно уверены, что расширение доступа к информации и обеспечение свободы выражения позволит решить большинство социальных проблем в мире. Однако факты современной социальной практики свидетельствуют, что «равенство доступа» не гарантирует социального равенства, а «свобода выражения» не компенсирует необеспеченности прав и интересов людей.

Сложно согласиться и со следующим утверждением: «Если новые технологии и являются источником социальных изменений, то они смогут стать гарантией развития для всех только путем объединения свободы выражения мнений, знаний, демократических принципов и идеала справедливости...» [3: с. 31]. Несомненно, что новые технологии предоставляют чрезвычайно широкий доступ к сведениям (в том числе и научным), способствуют улучшению «здоровья общества» и «предупреждению катастроф», но обеспечение демократических принципов и уж тем более воплощение в реальности идеала справедливости (что бы это значило?) с их помощью едва ли возможны.

В данном проекте важно осознавать смысл базовых понятий. «Информация представляет собой то, что преобразуется посредством соответствующей обработки, в то время как знание представляет собой то, что производится, при этом производство знания всегда основано на уровне познания и на преобразовании информации. Именно форма превращения информации ведет к производству знания, но и само знание преобразуется в информацию с тем, чтобы затем подвергнуться обработке и произвести новое знание. Именно в этом “непорочном круге” заложена основа инноваций, обеспечивающих новые достижения в области эффективности производства знания» [3: с. 49]. Едва ли данные разъяснения позволят оценивать любую очередную инновацию как “достижение”. При этом важно помнить, что информация может представлять собой и незнание.

А «экономика знаний», оказывается, есть «сочетание процесса глобализации, объединяющего мировые рынки, и технологических новшеств, сокращающего стоимость коммуникаций и значительно увеличивающее скорость и объем передачи информации...» [3: с. 47].

По мнению сторонников сетевого общества, в основе всех преобразований лежат экономические интересы, базирующиеся «на знаниях и создании нематериальных ценностей» (назвать эти ценности духовными никто не рискнул). «Экономика знания», по сути, представляет собой инновационную экономику информационного общества, направленную прежде всего на улучшение качества жизни (комфортные условия существования), энергичное обновление высоких технологий и обеспечение высококачественных услуг.

Возможность достижения значительных экономических результатов общемирового уровня во многом опирается в образование, а для авторов идеи «экономики знания» — в проблему обучения (в том числе и обязательного). Именно обучения, а не образования, хотя используются оба термина как синонимы. Ведь без соответствующего уровня подготовки существовать и действовать в сетевом и цифровом пространстве не только сложно, но и опасно для всех, кто с ними тесно связан.

Внимательное ознакомление с мировым педагогическим опытом позволило определить наиболее продуктивные, с точки зрения разработчиков, принципы и методики. Однако все они давно известны в истории педагогики и даже закрепились в соответствующей практике многих народов на уровне традиций. Речь идет об идеях принципиальности всеобщего базового образования,

о необходимости творческой составляющей в образовательном процессе, важности непрерывного образования на протяжении всей жизни, необходимости связи образования с наукой. Их ценность не в новизне, а в том, что в отношении их едва ли когда-нибудь и кем-либо будут высказаны сомнения.

Для чего же понадобилось их представлять как оригинальные, прорывные и только недавно выстраданные в ходе серьезных интеллектуальных исследовательских усилий? По всей вероятности, для того, чтобы продвинуть в повсеместное внедрение действительно новые, но непопулярные для образования (именно для образования, а не для обучения) приемы и отношения. Однажды подобное уже попытались сделать, организовав и усиленно продвигая не оправдавший себя Болонский процесс, главные финансово-экономические цели которого в значительной степени теснили образовательные ориентиры. Бед в образовательные практики конкретных стран он принес немало. Цели его так и остались недостижимыми, но отказываться от них, судя по всему, никто не собирается.

Предлагаемые на сегодняшний день бесчисленные критерии, ранжиры, рейтинги, показатели и индексы в незначительной степени влияют как на уровень образования, так и на его качество. Цель прежняя — получение максимальной прибыли от циркуляции колоссальных (в мировом масштабе) образовательных средств и осуществляемых в образовательных организациях научных исследований. А так как без знаний и их носителей это сделать невозможно, то на образование пришлось обратить особое внимание. Тем более что в зоне самого непосредственного влияния в этом случае оказываются наиболее перспективные и молодые слои общества, а предлагаемые технологии позволяют сделать отбор наиболее талантливых из них быстрым, дешевым и социально безответственным для всех: участников, организаторов и заказчиков.

Неслучайно процесс обучения настойчиво смещают в экономическую область, отнеся его к сфере услуг, делая ставку на приносящие выгоды инновации. «Отличие инновации от простого изобретения (в исследовательской области определяемого как “производство новых знаний”) состоит в повышении ценности полученных знаний... Предприниматель является посредником, который трансформирует изобретения в экономические инновации... Для того, чтобы стать инновацией, изобретение должно сопровождаться исследованиями, направленными на облегчение его использования» [3: с. 60]. Судя по этому утверждению, его сторонников уже не интересует не только образование, но и обучение. Ведь стимулировать к постоянному творчеству по обновлению знаний можно лишь подготовленного, опытного и талантливого профессионала-специалиста, продукция которого имеет высокий стоимостный потенциал. Ну а у знаний, имеющих невысокий или даже низкий стоимостный потенциал (с точки зрения предпринимателей, каждый из которых имеет свои «измерители»), судьба, скорее всего, незавидная.

Однако все начинается со школы, а в школе — с обучения грамоте. Можно бесконечно долго говорить об информационном и сетевом обществах, цифровой экономике, технологической революции в науке, но невозможно отрицать

тот факт, что значительная часть населения нашей планеты в XXI в. остается элементарно неграмотной и не имеет реальных возможностей (как финансовых, так и технических) для получения начального образования.

Надо помнить и о том, что значительное (постоянно растущее) число людей, имеющих среднее базовое образование и проживающих в наиболее развитых странах мира, являются неграмотными функционально, т. е. они не в состоянии непосредственно самостоятельно читать, считать, писать и говорить. Фактически они малограмотны. Однако они четко знают алгоритмы, воспользовавшись которыми, смогут быстро и безо всяких интеллектуальных усилий получить ответы на предложенные им задания с помощью компьютерных и иных инновационных технологий. В них сильна уверенность в том, что добытые подобным образом сведения являются их собственными знаниями.

Особая проблема связана с нехваткой учителей и недостатками в уровне их подготовки. Улучшение условий труда, развитие технического оснащения учебного процесса, совершенствование методической базы и повышение зарплаты не гарантируют появления хороших учителей. Готовить их дорого и долго. Хороший учитель лично уникален, а значит, им сложно (если вообще возможно) управлять. Он не сможет ограничиваться только оказанием образовательных услуг и удовлетворением собственных эгоистических запросов (в том числе рейтингового характера), а будет заниматься просвещением и воспитанием учащихся. Цифровому обществу и экономике знаний такие люди не нужны.

Общество настойчиво готовит к тому, что учитель-то вообще не обязателен. А учащиеся следует замкнуть на самообразование (точнее, на самообучение), где противоположная сторона отношений есть нечто безличностное, виртуальное, технически привлекательное. Однако при этом «человек из субъекта общественных отношений превращается в объект жесткого управления. Высшее творение Божие приравнивается к товару, лишается богоданной свободы и возможности выбора» [5: URL]. Он будет вынужден жить по правилам системы. Для достижения подобного результата живой учитель не нужен, а хороший учитель еще и опасен для системы.

Несомненно, предлагаемые технологии облегчают процесс обучения, делают доступными многие объекты, явления и сведения, позволяют ознакомиться с огромными объемами информации, расширяют круг общения. Однако образовательный коэффициент полезного действия (КПД) от всего этого «увеличения» и «ускорения» исследовательской оценке не подвергался.

Центром исследований новаторских методов в области образования (CERI) при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) было описано шесть сценариев «школы завтрашнего дня» для промышленно развитых стран [3: с. 78–79]. Два сценария представляют собой status quo — это традиционная форма школы на базе государственной системы управления и ее расширенная рыночная модель. Два других сценария предусматривают частичное изменение официальной школьной системы и переориентацию ее на запросы финансирующих школу территориальных объединений и международных

организаций «с целью лучшей адаптации к местной специфике и поощрения нововведений на данной территории» [Там же: с. 79].

Откровенно предпочтение отдается двум сценариям, полностью порывающим с какой-либо ныне действующей школьной системой. Сами авторы определили их как «коммерциализация образования в сетевых обществах». Это сценарии сетевого обучения и обучения, которое обеспечивают пришедшие на смену учителям и преподавателям, «консультанты в сфере образования, специалисты по дистанционному обучению, разработчики мультимедийных модулей обучения, специалисты по оценке и аттестации знаний, полученных в школе и вне школы, эксперты по коммуникациям и маркетингу в образовании, и т. д.» [3: с. 78–79].

К сфере высшего образования, вовлекающей в свою орбиту все большее число населения, прежде всего молодого, за эти тринадцать лет внимание было проявлено особое. Рост его коммерциализации более не скрывается. Современные университеты в первую очередь призваны заниматься не образованием и даже не обучением, а научной деятельностью и оказанием услуг. Постоянное увеличение их числа и многообразия, скорость обновления проблематики связаны прежде всего с решением вопросов конкуренции, финансирования и материального обеспечения. Подобную финансовую нагрузку не в состоянии выдержать ни один федеральный бюджет, а коммерческие учреждения, выделяя целевые средства, получают неограниченные возможности для управления и влияния.

Несомненно, сетевое образование имеет свои преимущества, а международное сотрудничество для высшего образования — явление необходимое и принципиально важное. Однако частное финансирование и заимствование опыта вузов, «имеющих давние университетские традиции», может обернуться особыми формами ограничений, контроля и давления.

В настоящее время первый уровень высшего образования (бакалавриат) представляет собой, по сути дела, третью ступень (после начального и среднего) образования. Он фактически равноценен уровню хорошего техникума. Не случайно значительное число колледжей (за рубежом) и учреждений среднего специального образования (в нашей стране) получили право реализовывать программы высшего образования (прикладной бакалавриат). А вот магистратура, полностью сосредоточенная на научной работе, не может обеспечить высокопрофессиональный уровень исследовательской работы, так как бакалавры не имеют полноценного разностороннего специального образования. По сути, современное высшее образование фактически оказалось в значительной степени «освобождено» от образовательных функций.

Возможно, поэтому в России аспирантуре присвоен статус очередного уровня образования, и теперь итогом ее деятельности является не научно-исследовательский результат (защищенная или хотя бы рекомендованная к защите диссертация), а сданные курсовые экзамены по изучаемым дисциплинам. С аналогичными проблемами столкнулась и докторантура западных государств.

Вроде бы благой для образования процесс конкуренции университетов затрагивает в настоящее время образование косвенно. При наличии различного

рода рейтингов внятная процедура определения его уровня отсутствует. В частности, вопрос об оценке профессиональной квалификации преподавателей сведен к оценке качества предлагаемых курсов обучения, а вопрос об оценке уровня усвоения материала дисциплины студентами оказался ограниченным оценкой усвоения знаний в рамках курса. И никаких умений, навыков и компетенций.

Вообще-то, высшее образование призвано готовить специалистов для будущего, способных не только воспользоваться самыми передовыми современными технологиями, но и здраво оценивать их пределы, условия исчерпаемости и недостатки. Однако российские исследователи полагают, что «анализ социально-культурной и образовательной действительности позволяет выделить социально-антропологические проекты, задающие ориентиры для модернизации образования в ближайшие 20 лет». Это (лишь два проекта. — В. М.) «Человек функциональный — человек, способный выполнять определенные функции, готовый включаться в индустриальное производство и осваивать городской образ жизни» и «Человек креативный, Человек мобильный, Человек-оператор» [2: с. 15]. Не случайно экс-президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали назвал ближайшее будущее эрой денег.

В «обществе знания» приоритеты должны быть связаны с наукой. Для этого «с учетом возрастания роли рынка в области научных исследований необходимо совместными усилиями ученых, экономистов и политиков создать новые системы исследований и инноваций, которые способствовали бы устойчивому развитию, и плодами которых могли бы воспользоваться все жители планеты...» [3: с. 27]. Однако рекомендуемые экономические и политические механизмы, влияющие на развитие науки, уровень отдельных элементов ее инфраструктуры, подготовку кадров и условия исследовательской деятельности, не оригинальны. Серьезные проблемы сохранились и в отношении интеллектуальной собственности, авторского права, создания межнациональных, межгосударственных исследовательских объединений (лабораторий). Все больше нареканий, даже со стороны западных ученых из самых развитых государств, вызывают ссылки на индексы цитирования как объективный показатель научной эффективности. Однако до настоящего времени этот параметр, серьезно осложняющий работу ученых (в частности, все возрастающей стоимостью публикаций) и искажающий данные о состоянии реальной научно-исследовательской деятельности во всем мире, так и превалирует в большинстве рейтинговых списков.

Кроме того, необходимо заметить, что круг наук, охваченный заботами сторонников сетевого (информационного, цифрового) общества, чрезвычайно узок. Практически он ограничен техническими науками, а в них сосредоточен на информационных технологиях. Информатика, биокомпьютеры, нанотехнологии, «искусственный интеллект», интерфейс «человек – машина» — только об этом идет речь, когда рассматриваются ориентиры, связанные с новыми рубежами науки.

Невозможно отрицать, что «в результате научных достижений появляются совершенно новые проблемы, перед которыми традиционные органы власти — государственной, научной, религиозной, общественной или гражданской —

беспомощны, ибо не в состоянии постичь смысл происходящих нововведений и просчитать их нравственные и социальные последствия» [3: с. 125]. Только причем же здесь органы власти? Ведь подобные результаты есть закономерный итог работы ученых-исследователей, неспособных не только просчитать подобный побочный эффект, но даже его заметить. Это они должны были разработать механизмы недопущения, снижения накала, исправления последствий *своих* нововведений. Однако они этого сделать не в состоянии. Их этому не учили. Они этого не умеют. Более того, им внушили мысль о второстепенности и непринципиальности значительного объема научных знаний, которые не относятся к сфере их непосредственной деятельности. Им в голову не приходит мысль о том, что экономически эффективный, технологически безупречный процесс может быть социально опасным и нравственно ущербным, что социальная сфера не исчерпывается экономикой, что культура не ограничивается знаниями.

Научная культура не в состоянии проявить себя вне междисциплинарного диалога. Однако в наши дни он осуществляется довольно оригинально, т. е. это диалог «между точными и естественными науками, с одной стороны, и науками гуманитарными и общественными, с другой — тем более что переходы между ними довольно редки и носят подчас конфликтный характер» [3: с. 136]. При этом надо иметь в виду, что подобные конфликты могут только усугубляться без каких-либо шансов на разрешение.

В связи с возможными негативными последствиями становления и развития «общества знаний» серьезные надежды возлагались на пересмотр существующих норм поведения, создание комитетов по этике и популяризацию научных знаний. Популяризация научного знания — дело, несомненно, полезное, но далеко не новое. Профессиональные этические кодексы, в том числе и в отношении научной деятельности, начали составляться и функционировать еще в Античности, продолжая совершенствоваться и адаптироваться к новым условиям на протяжении всей истории цивилизации. Создание же комитетов по этике произошло еще до обнародования рассматриваемого проекта. Так, в 1998 г. была сформирована Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ), а в ее рамках — система баз данных «Глобальная обсерватория по этике» (ГОЭ). Однако в работе подобных комиссий и комитетов есть четыре особенности. Первая — они сосредоточены на довольно узком круге научных проблем, в основном естественно-научного и технического характера: биоэтике, экологической этике, инженерной этике, этике технологий, научной этике (естествознания). Вторая — предлагаемые ими правила довольно быстро облекаются в правовую форму, что ослабляет как моральные, так и нравственные связи. Третья — разработка рекомендаций для поведения начинается обычно после серии нравственных «провалов» в связи с осуществлением научно-исследовательской деятельности, которая сама по себе может быть вполне успешной. Четвертая — аморальность ряда научных (в том числе и экономических) научных задач и возможная безнравственность используемых для их решения методик нередко нивелируются «путем умелого освещения».

При этом не надо забывать, что «общество знания», представляя собой постоянную энергичную смену ситуаций неожиданных перемен, и есть основной источник угроз. С их осознанием не успевает справиться ни законодательство, ни политические институты, ни наука, ни обыденная практика безопасности жизнедеятельности. В этом случае главной заботой человека становится сосредоточенность (максимально эгоистическая) на решении сиюминутных проблем. Даже природные опасности предлагается отслеживать лишь по достижении ими этапа чрезвычайных ситуаций, где они наиболее очевидны, хотя степень вмешательства в них в большинстве случаев уже упущена, а рекомендации человеку по обеспечению безопасности малоэффективны. Не случайно в настоящее время причинами подавляющего большинства крупных техногенных аварий и промышленных катастроф в мире является непрофессионализм управляющих и непосредственных исполнителей.

В качестве панацеи от многочисленных «социальных болезней» была предложена модель устойчивого развития общества, имеющая «смысл только на всемирном уровне, когда солидарность и справедливость становятся реальностью... в масштабе всех стран. Чтобы встать на намеченный путь, имеет смысл начинать действовать с двух сторон — на мировом уровне и на уровне индивидуальном» [3: с. 154]. А как же национальные интересы, самобытные культуры, государственные особенности, уникальность регионов, личные привязанности? Ими ради безопасности предлагается пожертвовать. А жертвовать в обществе всеобщего сетевого контроля придется многим: индивидуальным самосознанием и достоинством, правом на личное интеллектуальное и физическое пространство, возможностью занимать уникальную позицию, обладанием национальными особенностями и представительством самобытной культуры (например, предупреждение об исчезновении в ближайшее время 90–95 % национальных языков), а главное, свободой. Так что опасения, что внедряемая в настоящее время программа вызовет дружный социальный протест во всем мире, аналогичный реакции на попытки продвижения идей глобализации, небезосновательны.

Предложенный научно-прогностический проект сложно квалифицировать как социальный прогноз, так как речь в нем идет не столько о будущем, сколько о настоящем. Он обладает всеми признаками утопичности, к которым относятся: выделение основных болевых точек современного общества; сосредоточение на описании вариантов их исключительно позитивного решения; отсутствие проработки механизмов предупреждения возможных негативных последствий; стремление к немедленному воплощению в жизнь. Кроме того, из трех основных функций социального прогнозирования реализованной оказывается лишь одна, связанная с исследовательским освоением выявления возможных закономерных тенденций. Не рассматриваются никакие альтернативные варианты развития событий; не затрагиваются вопросы корректировки и контроля процесса, который должен осуществляться в будущем.

Литература

1. Борзенко А.А. Цифровое будущее // Сети и телекоммуникации. 2008. № 12 (121). С. 12–14.
2. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование. 2030. Аналитический доклад. Красноярск: СФУ, 2014. 294 с.
3. К обществам знания. Париж: ЮНЕСКО, 2005. 240 с.
4. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопр. философии. 2008. № 7. С. 61–75.
5. Филимонов В.П. Цифровое общество и конец истории: доклад на XXVI Междунар. Рождественских чтениях (Москва, 26.01.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://trinitas.ru/rus/doc/0012/001f/00124402.htm> (дата обращения: 20.01.2019).

Literatura

1. Borzenko A.A. Cifrovoe budushhee // Seti i telekommunikacii. 2008. № 12 (121). S. 12–14.
2. Budushhee vy'sshej shkoly' v Rossii: e'kspertny'j vzglyad. Forsajt-issledovanie. 2030. Analiticheskij doklad. Krasnoyarsk: SFU, 2014. 294 s.
3. K obshhestvam znaniya. Parizh: YUNESKO, 2005. 240 s.
4. Nazarchuk A.V. Setevoe obshhestvo i ego filosofskoe osmy'slenie // Vopr. filosofii. 2008. № 7. S. 61–75.
5. Filimonov V.P. Cifrovoe obshhestvo i konecz istorii: doklad na XXVI Mezhdunar. Rozhdestvenskix chteniyax (Moskva, 26.01.2018) [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://trinitas.ru/rus/doc/0012/001f/00124402.htm> (data obrashheniya: 20.01.2019).

V.M. Mapelman

Designing a Society on Near and Distant Future

The article analyzes the results of the thirteen-year implementation of the recommendations of the UNESCO Science and Forecast Project «Towards Knowledge Societies». The evaluation of the results of the implementation of new technologies in the reform of education and the system of the functioning of science, the degree of novelty of the proposed methods is given. In the material, signs of the utopian nature of the proposed project are fixed, in connection with the incompleteness of the functions characteristic of the social forecast.

Keywords: information; scientific knowledge; development; training; education.